

Чудинов Сергей Иванович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории
Сибирского государственного университета
телекоммуникаций и информатики,
ведущий научный сотрудник
Управления научно-исследовательских работ
Новосибирского государственного архитектурно-
строительного университета (Сибстрин)

ЭКСТРЕМИЗМ И НАУЧНЫЙ ОБРАЗ ЭКСТРЕМИЗМА: СТОЛКНОВЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПАРАДИГМ [1]

Аннотация:

Современный экстремизм в своих проявлениях стремится к возврату трансцендентальной основы социума в попытке преодолеть неопределенность и неустойчивость «институционализированной среды риска», которую воплощает собой современный социум, при этом часто попадая в плен интеллектуальных фиктивных смыслов (симулякров) и вновь изобретенных метанарративов. На примере анализа научно-теоретической модели экстремизма немецкого профессора У. Бакеса в статье показана односторонность и ограниченность существующей методологии исследования экстремизма, которая стоит на одной из противоположных позиций – парадигме социального номинализма.

Ключевые слова:

экстремизм, научный образ экстремизма, крайность и умеренность, неустойчивый социум, монархия, социально-философские представления о социуме, социальный холизм, социальный номинализм.

Chudinov Sergey Ivanovich

PhD in Philosophy, Assistant Professor,
Philosophy and History Subdepartment,
Siberian State University of Telecommunications
and Information Science,
Leading Research Associate,
Scientific Research Department,
Novosibirsk State University of Architecture
and Civil Engineering (Sibstrin)

EXTREMISM AND SCIENTIFIC IMAGE OF EXTREMISM: CONFRONTATION OF IDEOLOGICAL PARADIGMS [1]

Summary:

Modern extremism in its manifestations tends to restore the transcendental foundations of the society in an attempt to overcome the uncertainty and instability of "institutionalized risk environments" (A. Giddens) of the modern society. At the same time it is often taken captive by fictitious ideas (simulacra) and re-invented metanarratives. Basing upon the analysis of the theoretical model of extremism created by German professor U. Backes, the article shows narrowness and limitedness of existing research methodology of extremism, as its foundation is one of the opposing positions – the paradigm of social nominalism.

Keywords:

extremism, scientific image of extremism, extreme and moderation, unstable society, monarchy, socio-philosophic interpretation of society, social holism, social nominalism.

Традиционное общество до эпохи модерна было центрировано вокруг комплекса метафизического обоснования культуры и социума, выраженного на языке мифа, религиозной веры и категорий священного и профанного. Власть, вне зависимости от ее эмпирических характеристик и нравственного содержания, имела сакральную легитимацию. Социальный порядок отражал онтологическое устройство Вселенной, каким оно виделось человеку традиционного общества.

В Новое время, когда основы традиционного общества стали разрушаться, философско-мировоззренческие представления о природе социума поэтапно менялись. Родоначальники децентрации иерархического социального порядка в Европе и радикальной демократизации – французские революционеры конца XVIII в. – еще руководствовались в своей политической деятельности нового рода социальной метафизикой. Они перенесли метафизическое начало общества из трансцендентной сферы в имманентную. Будучи последователями идей Руссо, якобинцы считали суверенитет и волю народа неделимыми и неотчуждаемыми. Историк французской революции П. Генифе так объясняет суть этой концепции: «Любое разделение внутри политического организма рассматривалось как симптом его болезни. Напротив, цель политического процесса виделась в устранении первоначального разнообразия мнений и в избавлении индивидов от всего того, что вводило их в заблуждение, мешая их волям слиться в общую» [2, с. 86]. У якобинцев социальный холизм (социум – единое целое во всех своих частях), или социальный трансцендентализм (вера в единую незримую, но объективную основу социума, выраженную в неделимом «духе» или «воле народа»), доведенный до крайности (экстремистской формы), стал философско-мировоззренческой основой практики государственного террора.

В ходе дальнейшего исторического развития демократического общества и светского государства в эпоху Нового и Новейшего времени на Западе победил номиналистский подход в понимании общества и государства, заложенный такими праотцами либерализма, как Т. Гоббс и

Дж. Локк. Общество для западного человека означает гражданский порядок, состоящий из временного динамического сцепления и разделения воле самостоятельных индивидов в их социальных отношениях. Государство – искусственный «организм», родившийся в результате конвенциональных отношений между индивидами. Он выражает их общие потребности и интересы, даже если они и не удовлетворяются совершенным образом.

Так были заложены две парадигмы восприятия социальной реальности – социальный трансцендентализм (или социальный холизм) и социальный сингуляризм (номинализм).

Современный экстремизм во многих своих проявлениях стремится к возврату трансцендентальной основы социума в попытке преодолеть неопределенность и неустойчивость «институционализированной среды риска» (Э. Гидденс), которую воплощает собой современный социум, при этом часто попадая в плен интеллектуальных фантазмов и фиктивных смыслов (симулякров). Доминирующий научный образ экстремизма, как показывает его анализ, представляет собой перспективу оценки социально-деструктивных явлений социума с позиции одностороннего социального сингуляризма, то есть социально-философских представлений, которым как раз и противопоставляет себя экстремизм во множестве своих идеологических разновидностей.

Немецкий ученый У. Бакес создал одну из научных моделей экстремизма, наиболее обоснованную в социально-философском ракурсе и фундированную в рамках современной либерально-демократической системы этико-политических ценностей. Опираясь на фундамент античной этики «золотой середины», Бакес создает модель нормативной социально-политической конституционной системы, в рамках которой экстремизм выступает как ее этические и правовые границы. Экстремизм становится универсальной антитезой конституционного порядка, олицетворяющего «срединность» континуума социально-политического действия [3, с. 242–243].

Создавая научно-теоретическую модель экстремизма, немецкий профессор строго следует принципу социального сингуляризма (номинализма). Установление границ «крайностей», неприемлемого радикализма в социально-политической области он привязывает к нормативной модели демократизма и конституционализма. В свою очередь, то, что может считаться демократичным, должно базироваться, по мысли ученого, на социальной конвенции. Нормативность должна формироваться от противоположного: вначале следует определить, что в «наиболее прочной и определенной социальной конвенции» отвергается как «абсолютно неприемлемое». Это сузит возможности выбора того, что признается законным, и позволит открыться множеству путей для приближения к цели, рассматриваемой как благо [4, с. 249].

Второй уровень социальной конвенции современного социума (относительно того, что есть социальное и политическое благо), по мнению Бакеса, включает в себя несколько пунктов, в качестве центрального из которых следует выделить плюрализм: государство в своем институциональном устройстве, коммуникации и при принятии решений должно учитывать различие интересов и взглядов людей и социальных групп и не должно исходить из максим единственного индивида или отдельной социальной группы. Экстремистская модель власти и социальной коммуникации в политической сфере подразумевает монизм как антипод выше обозначенного плюрализма. «Монизм», или «монократия» (автократия), означает «связное требование власти, которая (если это вообще возможно) уничтожает любое соревнование, не терпима к разнообразию и оппозиции, по меньшей мере стремится представить это (такую установку) безобидным, останавливает политические перемены, препятствует и подавляет автономные обязательства групп и людей, по меньшей мере когда они стоят на пути амбиций правителей» [5, с. 250].

Эта характеристика далее приобретает конкретизацию на социально-коммуникационном уровне. Структуры процесса социетальной коммуникации конституционного государства и экстремистской модели различаются ученым как «тип форума» и «тип дворца» соответственно. Первый вариант подразумевает публичность обсуждения государственных вопросов, «рынок политических идей», обсуждение общественных проблем через дискуссию, открыто, доступно и видимо для всех. Под вторым имеется в виду закрытость власти для общества, избегание публичности в делах государства. Движение в сторону монократии вызывается через исключительное требование интерпретации и организации истины, которая ссылается на «высочайшие озарения», «неопровержимость власти» и / или знание «законов истории». Экстремистская модель мышления отказывается признать гетерогенность и неоднозначность мира, сложность жизненных обстоятельств и конфликтующую природу общества как факты и, следовательно, отказывается конструктивно использовать это знание на практике [6].

Как мы видим, немецкий специалист в области исследования экстремизма в полном соответствии с неолиберальными представлениями строит свою модель различения «нормативности / экстремизма» исходя из методологических установок социального сингуляризма (социального номинализма). Власть не может и не должна опираться на какую-либо сакральную легитимацию, «ис-

торическую миссию» и тому подобные трансцендентальные опоры социальной реальности и стимулы социально-исторического развития. Социальная жизнь, как и бытие в целом, – это магма хаотических стремлений и противоречий индивидов и социальных групп, которые приводятся в порядок и более или менее устойчивое согласование только путем социальной конвенции.

Несмотря на слишком широкое понимание этой категории, Бакес верно отмечает в своей концептуальной модели «монизм» как один из ведущих атрибутов значительного числа типов и форм экстремизма в «постсовременном» социуме. И дело здесь кроется не только в своеобразии типа коммуникации экстремистов с остальным обществом, но прежде всего в экзистенциальной основе экстремистского мировоззрения. Часто бывает, что идеологический и политический экстремизм, порожденный самой «институционализированной средой риска» современного социума, питается экзистенциальным чувством неустойчивости, безосновности и стремительной темпоральной текучести социального бытия, в котором нет ничего, что могло бы считаться неизменным, прочным, дающим чувство подлинной безопасности, не говоря о личностной причастности к вечности.

Образ, описанный Бакесом, несмотря на его некоторую ограниченность и идеологическую тенденциозность (любая авторитарная или сакрально легитимированная власть подпадает под подозрение в экстремистских тенденциях), вполне адекватно отражает одно из направлений экстремистского протеста внутри постмодернистского социума, связанного с деструкцией господства мышления с позиции социального номинализма и имманентизма. Это социальное разноликое и разнородное движение можно назвать «восстанием метанарративов», поскольку оно возрождает такие, казалось бы, забытые концепты, как «раса», «нация», «народ», «провиденция», «сакральная власть» (в их наполовину отрефлексированном, а в большей степени иррационально чаемом метафизическом, а не социолого-статистическом толковании), которые вновь заявляют о себе. Одним из вариантов этого широкого спектра экстремистских флуктуаций выступает религиозно-идеологический протест в виде фундаменталистской модели религиозно организованного государства, центрированного вокруг категорий священного и Божественного закона. Другой вариант, сам состоящий из множества частных разновидностей, – ультранационализм. В качестве еще одного примера можно привести неоязыческую субкультурную традицию, фундированную на протестной расово-этнической идентичности. Впрочем, второй и третий примеры имеют сложную и запутанную культурную и идейную взаимосвязь.

Отвергая социальный номинализм и представления о синергетическом самоупорядочивании хаотического мира, экстремизм стремится к обретению трансцендентальной основы социума, но часто обманывается, принимая за нее некие воображаемые, фиктивные смыслы, расцениваемые как символы автохтонности, чистоты культуры и цельности. В особенности это характерно для светских движений. В эпоху господства симулякров четвертого типа и социальной реальности, стремительно трансформируемой в гиперреальность (Ж. Бодрийяр) [7], знаки и символы в культуре и идеологии становятся пустыми по значению. Символы экстремистских движений постмодернизма не имеют четкой культурной идентификации, не имеют под собой глубоко отрефлексированной и логически понятной идеологической подосновы. Они вырваны из контекста и не обладают строго фиксированным смыслом. Нацистская свастика и подобные ей символы, «сходные до степени смешения», приветствие в виде вскинутой вверх руки, которые используют как неонацистские (националистические) группировки, так и радикальные неоязыческие группы – это означаемое без означающего, форма без содержания. Они не столько объективация какой-либо конкретной идеологии, сколько воплощение мощного иррационального эстетического заряда, компенсирующего потребность причастности к силе, сплоченности и традиции.

Экстремизм в условиях постмодернистских ценностных координат во многом порожден самой господствующей системой культурных ориентиров. Одностороннее и ограниченное понимание экстремизма, сформировавшееся в европейской либерально-ориентированной (в плане ценностного мировосприятия) науке, – есть отражение позиции социального сингуляризма, то есть того дискурса власти, который и вызывает протест у той части социума, которая тяготеет к противоположной мировоззренческой установке и подвержена экстремистским настроениям. Состояние неопределенности, неустойчивости, скептицизма и ценностного релятивизма, легитимизируемого в том числе и наукой, способно стать стимулом зарождения обратной реакции по упорядочиванию социальной реальности по принципу «монизма» и соответствующего типа социальной коммуникации. Помимо этого, в такой научной интерпретации экстремизм приобретает слишком широкие исторические и социальные границы. Скажем, общество, устроенное по монархическому принципу (модель коммуникации «типа дворца») или же как однопартийный политический режим, уже вызывает подозрения в «умеренности» его ценностно-идеологического фундамента. Всё это указывает на необходимость поиска более адекватной методологии и теоретического фундамента для дальнейших социально-философских исследований экстремизма в условиях неустойчивого, рискогенного общества и нахождения путей его преодоления.

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (МК-530.2014.6).
2. Генифе П. Политика революционного террора 1789–1794. М., 2003. 320 с.
3. Backes U. Meaning and Forms of Political Extremism in Past and Present // *Central European Political Studies Review*. 2007. Autumn. Vol. IX. Part 4. P. 242–262.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Baudrillard J. *Simulacra and Simulations* / trans. P. Foss, P. Patton and Ph. Beitchman. New York, 1983. 168 p.

References:

1. The article is performed with the Presidential Grant for financial support of young Russian scholars (МК-530.2014.6).
2. Genife, P 2003, *Policy revolutionary terror 1789-1794*, Moscow, 320 p.
3. Backes, U 2007, 'Meaning and Forms of Political Extremism in Past and Present', *Central European Political Studies Review*, Autumn, vol. IX, part 4, p. 242-262.
4. Backes, U 2007, 'Meaning and Forms of Political Extremism in Past and Present', *Central European Political Studies Review*, Autumn, vol. IX, part 4, p. 242-262.
5. Backes, U 2007, 'Meaning and Forms of Political Extremism in Past and Present', *Central European Political Studies Review*, Autumn, vol. IX, part 4, p. 242-262.
6. Backes, U 2007, 'Meaning and Forms of Political Extremism in Past and Present', *Central European Political Studies Review*, Autumn, vol. IX, part 4, p. 242-262.
7. Baudrillard, J 1983, *Simulacra and Simulations*, New York, 168 p.